

Сентябрь стоял сухой, солнечный и холодный. Глянешь в окно с утра и зажмуришься — красота... Осенняя, праздничная... Небо сияет лазурью, золотом горит листва. И кажется, градусник за окном врет, показывая низкую температуру. Но выйдешь на улицу и вздрогнешь — мама дорогая, холодно как! Хотя тут же и смиряешься с этой острой звонкой прохладой, потому что так правильно, наверное... Потому что в холоде умирать легче. Холод бодрит, холод не утомляет. И больше сил остается, чтобы лихо сплясать тот самый прощальный осенний танец на ковре из желтых листьев.

Да, так умирать легче. В отчаянном всплеске веселых ярких красок, в стремительном танце...

Зойка глядела в окно, щурилась на солнце. Странно, что именно эта мысль пришла ей сейчас в голову. Глупая по своей аналогии мысль. Потому что — разве можно проводить какие-то параллели... И аналогии... Или это просто инстинкт самосохранения так работает? Чтобы

в нужной форме держалась. И не пугала маму отчаянием. Потому что мама... Потому что...

Да, Зойкина мама тоже умирала. Как осень. Весело и отчаянно. Иногда Зойке казалось, что мама даже выглядеть стала моложе. Кожа на лице натянулась, тело избавилось от лишних килограммов, и обозначились вдруг тонкая талия и длинные стройные ноги... А еще мама все время весело улыбалась, иногда чересчур весело. И выплескивалась через этот «чересчур» вся правда о том, как тяжело ей дается улыбка. И в глазах промелькивала тоскливая паника, и наплевала эта паника на мамину веселую улыбку, потому что знала, что она — настоящая, а улыбка — нет. Потому что умирать все равно страшно. Хоть с улыбкой, хоть в панике, хоть в солнечном свете, хоть под проливным дождем. Какая разница, какой у смерти антураж...

Но если маме так хочется — пусть. Это она для них старается. Для нее, для Зойки, и для Сашы своего. Для дочери, для мужа. Чтобы им не было так страшно жить на одной территории со смертью.

А что им, Зойке и Саше, оставалось? Они тоже старались улыбаться маме в ответ... И скалились все втроем, как будто делали бесконечное селфи...

Нет, в самом деле, а что делать прикажете? Как иначе? Не впадать же в слезную истерику

при маме, правда? Это когда наедине с собой и со своим горем остаешься — это пожалуйста, трясись от рыданий, сжимай кулаки, грызи подушку, волком вой, захлебывайся отчаянием... А при маме — нет. Нельзя, и точка. Если ей хочется умирать с улыбкой, будь добра, доченька дорогая, улыбайся в ответ. Вон и Саша, мамин любимый муж, тоже улыбается. Хотя лучше бы он этого не делал, потому что улыбка получается совсем жалкая. Да и у нее, у Зойки, она лучше, что ли? Они же с Сашей не артисты, чтобы уметь играть веселье в подобных предлагаемых обстоятельствах...

А «предлагаемые обстоятельства» свалились на них, как снег на голову. Когда они строили планы на лето, когда были беззаботны и счастливы. Хотя сначала все не показалось таким страшным... Просто мама упала в обморок. В офисе фирмы, где работала. Сидела за рабочим столом, вглядывалась в экран компьютера, выполняла какое-то срочное задание шефа — и вдруг откинулась назад на крутящемся кресле, и оно начало крутиться вместе с мамой будто само по себе... Сначала никто из сотрудников не понял, что произошло. Решили, что мама устала и таким образом отключилась на полминутки, чтобы провернуться в кресле парочку оборотов. А потом поняли — что-то не так... Начали раз-

водить суету — кто-то по имени ее звал — Таня, Таня! — кто-то за плечи тряс, кто-то по щекам принялся похлопывать — все без толку. Наконец догадались «Скорую» вызвать...

Благо «Скорая» приехала очень быстро, и медики так же быстро привели маму в сознание. Как выяснилось, у нее давление упало до самого нижнего предела. Вкололи лекарство, хотели с собой забрать, но мама воспротивилась. Она вообще панически боялась больниц, даже в поликлинику, когда гриппом болела, старалась не ходить. Было у нее такое предубеждение против медицины и медиков, да... Как она объясняла — потому что в детстве много болела и «наелась» этой больничной спецификой по самое не хочу. Помнится, как бабушка сокрушалась маминым своеволием, но даже бабушка не могла заставить маму пойти на прием в поликлинику. А характер у бабушки был — о-го-го...

В тот день ее просто отпустили с работы, чтобы дома полежала, в себя пришла. А потом обморок повторился — через пару дней. Потом еще раз... Тогда уж Саша не выдержал, чуть не силой уволок ее в поликлинику, чтобы обследование назначили. Наверное, мама ни за что не позволила бы себя «уволочь», но Саша очень сердился. И стыдил ее — как можно так плохо к себе относиться! Неужели трудно пойти

и провести обследование, банальные анализы сдать?

Его и провели, это обследование... А потом еще одно, более доскональное, уже в онкологическом центре, где мама лежала почти месяц. И объявили им с Сашей неутешительный результат... Мол, ничего уже сделать нельзя, поздно уже. Надо было раньше обращаться за помощью. Да только кто ж знал-то про это «раньше»? Если б знать, где упадешь...

В общем, первый день лета мама встретила у себя дома. Того самого долгожданного лета, последнего в ее жизни. Сначала плакала, потом плакать перестала и будто замкнулась в себе, сосредоточилась на своих внутренних переживаниях (или как там они называются, эти ощущения, когда знаешь, что скоро умрешь?), а потом вдруг преобразилась — открылась им без остатка. Будто хотела свою душу с ними оставить, отдать до конца всю любовь...

Между прочим, это ведь то еще испытание, если вдуматься, — забирать в себя умирающую любовь. Очень осторожно забирать, потому что нельзя потерять ни капли. Потому что знаешь, что они последние, эти капли... И нельзя их обесценить собственным отчаянием. И надо вывернуть себя наизнанку, чтобы твоя ответная любовь была легкой искрящейся радостью,

а не черным горем прощания. Да, то еще испытание... Кто хоть немного в такой «любви» жил, тот знает.

А они с Сашей жили. Наверное, у них даже неплохо это получалось. Потому что научились понимать друг друга с полуслова, с одного короткого взгляда. Потому что бывали дни, когда надо было моментально решать, кому остаться с мамой. Одну они ее не оставляли. Ни на минуту. Хотя и не обговаривали это заранее... Все будто самотеком шло, в коротких утренних диалогах...

— Заяц, я ненадолго выскочу, ага? Сможешь первую пару в институте пропустить?

— Да без вопросов, Саш...

— Ага... Тогда я еще в супермаркет заскочу. А потом ты такси возьмешь и успеешь на вторую пару... Жаль, у тебя прав нет! Как-то мы упустили этот момент, давно надо было заняться...

— Так это мама нам не позволила, Саш... Ты что, забыл? Я ж хотела на водительские курсы пойти, а мама вдруг испугалась — мол, рано еще... Будто я маленькая...

— Да, Заяц, я помню. Мама всегда за тебя так боится, что часто перестраховывается. Я тогда с ней спорить не стал. А зря... Сейчас бы тебе очень даже водительские правагодились...

— Ничего, я и на такси в институт успею. Не страшно.

— Хорошо... А когда вернешься из института, я еще ненадолго выскочу...

— Так я могу и последнюю пару пропустить, если надо!

— Нет, не надо. Таня беспокоится, когда ты много пропускаешь. Ты же знаешь...

— Хорошо, я приду после последней пары. А тебя с работы не уволят, Саш? Ты ж там появляешься эпизодически! То приехал, то снова уехал...

— Нет, не уволят. А если уволят — другую работу найду. Да это не важно, Заяц... Ничего, проживем как-нибудь. В случае чего я машину продам...

— Да ну...

— Тсс... Тихо, мама идет... Убери горечь с лица, Заяц! И окно закрый, холодом несет...

Мама вошла на кухню с улыбкой, произнесла сломанным болью голосом:

— Доброе утро, мои любимые...

— Доброе утро, мамочка!

— Доброе утро, Танюш...

Они отвечали ей одновременно, будто немного контролируя друг друга — как звучат голоса. Надо, чтобы звучали хорошо. Так звучали, будто ничего ужасного в их жизни не происходит. Обыкновенное утро. Обыкновенный завтрак. Кофе, гренки, овсянка. Бутерброды с колба-

сой и сыром. Утро счастливых людей, любящих и уважающих друг друга. Любимая жена, любимый муж. Взрослая дочка.

Кому дочка, кому — падчерица...

Но это уже не важно. Да и вообще... Само слово «падчерица» ужасно противное. Стоит за ним что-то злое, как в детской сказке. Но ведь не было в Зойкиной жизни ничего злого в последние два года, когда в их с мамой жизни появился Саша... Любимый мамин Саша. А ее, Зойкин, стало быть, отчим...

Да, последние два года мама была счастлива. Два года любви для сорокапятилетней женщины — не так уж и мало, согласитесь. Настоящей любви, взаимной. Два года — как последний подарок...

* * *

Как позже выяснилось, мама и Саша давно встречались. Были тайными любовниками. Такими тайными, что даже она, родная дочь, ничего не знала! Нет, замечала, конечно, в маме кое-какие изменения, не без этого... И глаза стали блестеть по-другому, и в голосе появилось несвойственное маме капризное кокетство, и прическу она сменила, и одеваться стала не так, как раньше... Да что там, полностью сменился весь ее женский рисунок, но никак Зойка это не свя-

зывала с появлением в жизни мамы тайного любовника, хоть убей! Да еще и женатого! Хотя... Разве можно нынче отыскать приличного мужчину в районе пятидесяти — и не женатого? Пока однажды он не появился на пороге их квартиры:

— Познакомься, Зайчик, это Саша... Он будет у нас жить. Вернее, мы вместе с ним будем жить... Ты не возражаешь, надеюсь?

Зойка так опешила, что даже и не подумала рассердиться на маму за этого Зайчика. Ведь договаривались же, что Зайчик — только в домашних стенах, а в присутствии чужих — ни-ни, никаких Зайчиков! Хотя — что ж теперь... Выходит, этот Саша тоже ей не чужой... Но мама могла и предупредить заранее, подготовить ее как-то к подобным переменам! А не вот так в лоб объявить — это Саша, он будет у нас жить...

На первый взгляд он ей не понравился. Неказистый совсем мужичонка. Ростом не вышел, особой статью тоже. Еще и нахальным каким-то показался... Глядит на нее и улыбается. Так улыбается, будто ждет, что она от радости начнет гопака плясать. Ага, шас! Не дождетесь от меня гопака! Свалился, как снег на голову, как тот Васисуалий Лоханкин из «Золотого тельца», еще и улыбается... «Я к вам пришел навеки поселиться, надеюсь я найти у вас уют...»

Повернулась, ушла к себе в комнату. Но дверь до конца не закрыла, слышала, как мама весело успокаивает на кухне своего «Васисуалия»:

— Не обращай внимания, Саш... Это у нее просто первая реакция такая. Погоди, вы еще друзьями станете не разлей вода... Что я, своего Зайчика не знаю? Она ж взрослая уже девица, скоро сама разберется, что к чему...

Ага, взрослая! Тогда ей только-только девятнадцать исполнилось! Второй курс юридического института! Можно сказать, вчерашняя школьница! И вообще... Если мама считает, что она взрослая, почему и впрямь раньше про своего «Васисуалия» не рассказала? Не поделилась женским секретом? За маленькую и несмышленную в этих делах сочла? А тут сразу и нате вам — взрослая... Обидно, однако!

Вскоре она услышала, как хлопнула входная дверь. Вышла из комнаты, осторожно заглянула на кухню. Мама стояла у плиты, жарила котлеты, весело напевая что-то себе под нос. Обернулась к ней, улыбнулась вдруг так лучезарно, будто и не заметила следов обиды на лице дочери.

— Зайчик, ты что на гарнир будешь, макароны или гречу? Или картошки сварить?

— Да мне все равно, мам... И вообще, что ты у меня спрашиваешь? Ты теперь у этого спрашивай... Как его...

Хотела сказать — у Васисуалия Лоханкина, но остановилась в последний момент. Слишком уж улыбка была у мамы счастливая. Не захотелось ее своей обидой портить.

— Теперь у этого Саши спрашивай, что ему на ужин готовить... Кстати, а где он? Куда сбежал?

— Он не сбежал, Зайчик. Он в магазин пошел. Говорит, вина надо купить, отметить это событие. Ну, и к чаю торт какой-нибудь...

— Ах, он еще и алкоголик к тому же! Понятно!

— А что, хорошее вино по хорошему случаю пьют одни алкоголики? Например, красное сухое, французское?

— Ну, так уж и французское... Я думаю, для французского у него кишка тонка.

— Представь себе, с кишкой у него все в порядке... — Мама хохотнула коротко, сама удивившись несурзности ответа, и уже более серьезно добавила: — Зачем ты обижаешь хорошего человека, Зайчик? Ты ж его не знаешь пока... И уже так настроила себя на отрицание...

— А узнаю — и что? — с вызовом спросила она, чувствуя, что и впрямь перебарщивает с наездом. — Когда узнаю, прям-таки полюблю, что ли?

— Да... Когда узнаешь — полюбишь...

— Мам! Ты рассуждаешь, как влюбленная и оттого впавшая в неадекват женщина! Тебе ка-

жется, что всем должен нравиться предмет твоей любви! Не узнаю тебя, мам!

— Да я и сама себя не узнаю, Зайчик... Последние двадцать лет уж точно со мной такого не было...

— А двадцать лет назад было?

— Да. Было. Я очень любила твоего отца. Но это уже другая история, и я не хочу сейчас об этом... Так что все-таки на гарнир сотворить, Зайчик? Давай гречку?

— Давай... И все-таки, мам... Откуда он взялся, этот Саша? Давно ты его знаешь?

— Давно... Очень давно. Двадцать лет уже знаю.

— Погоди, погоди... Не хочешь ли ты сказать... Что этот Саша... Что он...

— Ты хочешь спросить, не он ли тот самый мужчина, которого я любила? То есть твой отец?

— Ну да...

— Нет, Зайчик. Саша не твой отец. Не волнуйся.

— Ни фиги себе — не волнуйся... Такие перемены в нашей жизни происходят — и не волнуйся! И что, ты все двадцать лет тайно с ним встречалась, что ли?

— Нет. Встречаемся мы только последние два года. Вернее сказать, прячемся. На углях танцуем. Мы и сами не знали, что все это так далеко пойдет...

— Надо же! Два года! И мне ничего не рассказывала! Скрытная ты, однако!

— Я не могла, Зайчик. Поверь мне.

— Он был женат, да? Хотя чего я спрашиваю... И без того понятно, что был женат...

— Он и сейчас женат. Не успел еще развестись. Просто ушел вчера из семьи. Ко мне ушел, понимаешь?

— Понятно... И большая у него семья? Семейно по лавкам, да?

— Нет. Только жена и дочка. Твоя ровесница, между прочим.

— Понятно, что ж... Значит, ты чужого мужа из семьи увела...

— Да. Так получается.

— Но ведь это нехорошо, мам?

— Я знаю, Зайчик... Знаю...

— Вот сколько раз я тебя просила — не называй меня Зайчиком, а? Я тебе о серьезных вещах говорю, а ты — Зайчик! Сразу этой дурацкой детской погонялкой все обесцениваешь! И вообще... Зачем ты меня Зоей назвала, а? Для того только, чтобы я всю жизнь в Зайчиках проскакала? Чтобы навсегда была обречена на этого Зайца? И как тебе только в голову пришло, не понимаю...

— Ну что ты сердишься, Зайчик? Не надо... Тем более ты сама знаешь, почему я тебя так назвала... Сто раз уже рассказывала...

— Да знаю, знаю... Ладно, проехали. Прости, мам...

Да, что-то она и впрямь не в меру раскипятилась. Восстание зайчиков устроила. Мама ведь и впрямь рассказывала ей, почему Зоей назвала...

Зоей звали ее драгоценную мачеху, которая и полюбила, и воспитала, и память о себе в сердце оставила. Мамин отец овдовел, когда она только родилась, и женился, стало быть, на этой мачехе по имени Зоя. А потом отец влюбился в другую женщину, более молодую и видную. И эта «молодая и видная» замуж за мужчину с ребенком не захотела, условие поставила, чтоб ребенка никакого не было. Вот и кинулся отец к этой Зое в ноги — оставь себе дочку, куда ж мне ее теперь... В детдом, что ли, отдавать при живом отце? А Зою и уговаривать не надо было — успела прикипеть сердцем к маленькой маме. Так и стали жить вдвоем... Отец и не помогал никак, ему «молодая и видная» помогать не разрешала. Мачеха Зоя маму вырастила, в институте выучила, а потом со спокойной душой померла, и мама всегда вспоминала ее с любовью и теплотой. И дочку свою в честь нее Зоей назвала. А родной отец так никогда о ней и не вспомнил... И даже встречаться не захотел, когда мама его потом разыскала. Сказал по телефону — стыдно, мол, в глаза тебе смотреть... Мама

только недавно узнала, что его в живых нет. Так со стыдом, видать, и умер...

— Слушай, Зайчик... Я тебя попросить кое о чем хотела... — вывел ее из задумчивости тихий мамин голос.

— Что, мам?

— Ты будь с Сашей как-то повежливее, что ли... И прости меня, что не рассказала обо всем заранее. Мне почему-то казалось, что он тебе понравится... Что ты за меня рада будешь... Ну, как это сказать... Априори, что ли...

— Да это ты меня прости, мам. Это я веду себя как маленькая, ей-богу. И этот твой Саша... Он и впрямь ничего такой...

— Да он тебе понравится, я тебя уверяю! Вот начнете общаться, и понравится! Ты мне веришь, Зайчик?

— Да, верю. Я постараюсь, мам. Честное слово. Я постараюсь найти с ним общий язык.

— Правда, Зайчик? Ты сейчас искренне это говоришь?

Мама глядела с надеждой, ждала ответа. И что, что она могла ей сказать? Уверить, что Саша уже ей нравится? А если не нравится, то со временем — непременно?

Да если б мама знала тогда, во что выльется все это «постараюсь», все это «нравится — не нравится»! Но она не знала. Да и сама Зойка

тоже не знала до поры до времени. Потому что когда тебе всего девятнадцать — поди еще разберись во всех коварных глубинных оттенках этого невинного на первый взгляд «нравится». И если даже со временем разберешься, это уже ничего не меняет... Придется с этим жить и прятать, прятать эти оттенки в себе глубоко, в самые дальние темницы, запирают двери темниц на амбарные замки... А главное — самой себе не признаваться, что ты в этих глубинах под амбарными замками прячешь...

Впрочем, никто об этих самых глубинах и знать не знал и не догадывался. Да что там — она и сама о них знать не желала! Потому что Ромку своего любила. Вернее, ей так казалось, что любила...

С Ромкой они дружили с пятого класса. Он был тихим спокойным мальчиком, уютным и покладистым. Никогда с ней не спорил, принимал ее мнение как единственно верное и правильное, о чем бы это мнение ни было. А еще Ромка был высоким, спортивным и симпатичным, и все девчонки ей завидовали, и даже лучшая подружка Ирка перестала с ней дружить из-за Ромки. Нравился он ей. А третьей лишней Ирка быть не захотела. Да и кому понравится тащить на себе роль третьего лишнего? Все же первыми быть хотят... Первыми и единственными.

А потом она стала смотреть на Ромку другими глазами. Как-то вдруг надоел он ей своей преданностью, неинтересен стал. А однажды подумалось вдруг — Ромка никогда не станет таким, как Саша... И тут же поймала себя на возмущении — господи, да каким таким?! Вот что в нем особенного, в этом Саше? Лицо обыкновенное, возрастное мужицкое. Такое увидишь в толпе и не запомнишь. Ну, маме такой нравится, и хорошо, и слава богу... Она за маму очень рада. Нет, правда, рада...

Но если честно, она и сама понимала, что радость эта не совсем искренняя. Было в ней что-то чуждое, неуютное что-то... Лишний какой-то компонент. И она долго не могла понять, что это за ложка дегтя в бочке меда. А потом поняла... И ужаснулась самой себе. Так ужаснулась, что чуть ли не в депрессию впала, сидела у себя в комнате, переживала ужасно. И чувствовала себя преступницей. Все-таки чувство вины — ужасное гадкое чувство, особенно когда ощущаешь себя виноватой перед самым близким на свете человеком — перед мамой...

Мама же поняла ее состояние по-своему. Однажды пришла к ней в комнату, села рядом на диван, помолчала, потом вздохнула:

— Прости меня, Зайчик... Я ж не предполагала, что ты все это так сложно воспримешь... Я думала, ты у меня совсем взрослая...

— Я взрослая, мам. И я абсолютно нормально все воспринимаю, поверь.

— Но я же вижу, Зайчик... Вижу, как ты сама с собой борешься. Нет, я понимаю, как тебе трудно, конечно... Мы всегда были с тобой вдвоем, ты привыкла меня ни с кем не делить, а тут... Наверное, это нормальный здоровый эгоизм, и ничего тут из ряда вон выходящего нет... Но мне все равно как-то тревожно, Зайчик. И если ты скажешь, что... Чтобы Саша и я... То есть я смогу ему все объяснить... И все будет по-прежнему...

— Ты хочешь сказать, что можешь ради меня отказаться от личной жизни, мам?

— Ну да... В общем...

— Да что ты! Как ты могла такое подумать, мам! Мне ведь и впрямь не пять лет, чтобы капризничать и ставить условия! Ну, ты вообще... Даже обидно как-то...

— Прости, Зайчик. Не обижайся на меня. Просто ты очень замкнулась, и я подумала...

— Да не замкнулась я! Просто... Просто с Ромкой поссорилась.

— И в этом все дело?

— Ну да...

— Уфф... А я уже всего себе надумала... Выходит, зря...

— Зря, мам. Все у нас хорошо, правда. Я очень рада за тебя. Ты такая счастливая стала, никогда

такой не была! Просто женщина-праздник, честное слово!

— Да ну тебя, скажешь тоже... — смущенно опустила глаза мама и даже покраснела слегка. — Какая там женщина-праздник, если возраст к полтиннику подступает...

— А празднику все возрасты покорны, что ты! — смеясь, обняла она маму. — Как и у самого праздника нет возраста! Я так за тебя рада, мам!

— Спасибо... Спасибо, Зайчик. Прямо от души отлегло. Я ведь понимаю, что тебе и впрямь трудно принять меня новую... Но я не перестала любить тебя меньше, поверь!

— Ну вот... Опять объясняешь мне очевидные вещи, как маленькой...

— Не обижайся, Зайчик! Ты ж для меня всегда будешь маленькой, потому что я очень, очень тебя люблю!

— Я знаю, мам. И я тебя тоже люблю.

— И ты разрешишь мне быть счастливой, правда? И попытаешься принять Сашу? Он ведь хороший, очень хороший... Он умный и добрый... Он очень интересный человек... Конечно, у нас с тобой такого опыта нет, в нашем доме никогда не жил мужчина... Но мы ведь вместе постараемся, правда?

Чтобы всем было хорошо...

Впрочем, особо стараться никому не пришлось, все как-то наладилось само собой. Все ненужные оттенки были так надежно спрятаны, что она и сама о них не вспоминала. Просто плыла по волне чудесного и каждодневного домашнего праздника, и не чувствовала себя третьей лишней, и даже охотно ходила с мамой и Сашей в походы, до которых он оказался большой охотник и их с мамой заразил этим нехитрым делом. Нет, правда, это было прекрасно — взять и махнуть дикарями на природу! С палаткой, с котелком, с гитарой... Сидеть вечером у реки, смотреть на огонь костра, на звезды и слышать, как плещется в заводи рыба... И думать про себя — пусть, пусть так будет всегда. Пусть мама будет счастливой, пусть они с Сашей тихо поют свои песни... Те самые, которые все пели во времена их молодости. Сначала они казались ей немного допотопными, а потом прислушалась — и ничего... Очень даже душевненько...

Ей нравилось. Даже иногда подпеть хотелось, да слов не знала. А мама знала. Но пели они с Сашей не для нее — для самих себя пели. И лица у них были такие молодые... Такие грустные и счастливые...

А однажды она спросила:

— Что это за песни ты поешь, Саш? Вроде знакомые, и вроде я не знаю таких...

— Да все просто, Заяц... — задумчиво проговорил Саша, откладывая гитару. — Песню можно и не знать, но так получается, что душа ее знает... У каждого поколения есть своя потребность в песенном движении души. Мы вот Визбора без ума любили и пели, вы что-то другое поете, но родом из той же душевной потребности...

И Саша пропел куплет из «Сплина».

— ...Это ты знаешь, Заяц?

— Да, знаю...

— Нравится?

— Нравится. Это же «Сплин». Хотя они сейчас не такие популярные... Мы с Ромкой недавно ходили на их концерт, и мне уже не так понравилось. Первый альбом у них лучше был. Но это дело вкуса...

— Да, вот именно. Дело вкуса. Лишь бы душа музыки требовала. Хоть какой, не важно, главное, чтобы она с тобой совпадала. Даже и такая, к примеру... погоди, сейчас вспомню, как это звучит...

И он запел немного насмешливо, немного гнусаво, но вовсе не обидно, а как-то даже и с уважением к знакомому до боли речитативу: «Я помню белые обои...»

— И это я знаю! Тоже известная группа! — откликнулась Зоя, пропев вместе с ним последние строчки.

— Ну вот, я ж говорю... У вас теперь свое, а у нас тоже было свое. Содержание примерное то же самое, только формат подачи другой. И души одинаково откликаются. Кто слышит, тот знает. Кто не слышит, тот злится на тех, кто слышит.

— Так все слышат, по-моему!

— Не скажи, Заяц, не скажи... У одних душа много этого ультразвука требует, у других поменьше, а третьим вообще слышать не дано...

Мама молчала, слушала их диалог. Потом подняла глаза, улыбнулась, пояснила тихо:

— Саша всегда хорошо пел под гитару, всегда был душой компании... И мы в те времена все любили Визбора. И от Высоцкого были без ума.

— Ну, ты-то, допустим, больше «Пинк Флойд» слушать любила, помнишь? — немного ревниво спросил Саша, с улыбкой глянув на маму. Потом перевел взгляд на нее, спросил быстро: — А ты, Заяц, слышала когда-нибудь музыку «Пинк Флойд»?

— Не-а... — непринужденно улыбнулась она. — Я даже не знаю, кто они такие...

— Боже мой, Таня! Она не знает про «Пинк Флойд»! — нарочито трагически проговорил Саша, обращаясь к маме. — Как ты плохо воспитала свою дочь, Таня!

— Да вот... Что получилось, то получилось... — тоже нарочито виновато развела ру-

ки в стороны мама. — Уж извините за ради бога...

— Ничего, извиняем. И за то спасибо, что получилось. Будем перевоспитывать, что ж...

— Не надо меня перевоспитывать, Саш! — смеясь, замахала она руками. — Лучше спой еще что-нибудь... Что там еще у Визбора было?

— О, так это в один поход не управиться, что ты... Песен у него много...

— И ты все их знаешь?

— Ну, все не все... Но знаю и помню много...

Так они и жили, будто втроем одну общую песню пели. Немного насмешливую песню. С легким припевом. И очень душевную. Через какое-то короткое время ей казалось, что Саша жил с ними всегда... Он вел себя абсолютно непринужденно, и она отзывалась легко и весело на эту его непринужденность... И ей даже нравилось, что он не особо с ней церемонится и не старается быть хорошим. И даже ворчит иногда.

— Заяц, не будь поросенком, а? Поела — уברי за собой. Прислугу в доме не держим.

— Хм... — поднимала она на него глаза, послушно вставая к мойке, чтобы вымыть тарелку. — Представляю себе зайца, ставшего поросенком... То еще зрелище, ага?

— Ну, так и я о том же, Заяц...

А однажды, когда она окрасила пряди волос в разные цвета — малиновый, сиреневый и фиолетовый, — Саша, глянув на нее, чуть поморщился и проговорил насмешливо:

— Ты ведь рыжая... Это совсем не твое. Не будь обезьяной, Заяц... Будь собой...

— Собой — это просто зайцем, да?

— Лучше быть зайцем, чем гибридом зайца и обезьяны. То еще зрелище, согласишься.

— Кем хочу, тем и буду!

— Не злись, Заяц. Не будь змеей...

— Бедный, бедный заяц! Ни в поросята ему нельзя, ни в обезьяны, ни в змеи... Куда ж можно-то?

Они глянули друг на друга, рассмеялись. Чувство единения, выросшее из глупого, в общем, диалога было таким сильным, что у нее почему-то перехватило горло. Ни с кем никогда не было у нее такого душевного единения... Даже с мамой... Просто необъяснимое какое-то чувство. Будто крылья за спиной выросли. Будто один только Саша видит эти крылья, больше никто. Наверное, так и живут счастливые полные семьи, как в облаках летают...

И у них тоже была семья. Да, все было бы замечательно, если бы не одно «но»... Забыть бы о нем, уничтожить к чертовой матери! Проснуться однажды утром и почувствовать — нет ниче-

го! Мама любит Сашу, Саша любит маму, и она этому ужасно рада. И ни о чем запретном не думает. Потому что даже думать нельзя. Стыдно. Да, если бы так...

Но не получалось. Иногда то, что было внутри, вырывалось наружу и становилось неуправляемым. И трудно было находиться с Сашей рядом... Сидеть с ним рядом на диване, когда он смотрел футбол по телевизору, ловить его эмоции яростного болельщика, вдыхать запах его парфюма... И опять сильно сжимал горло страх обнаружить себя, и внутри начиналось что-то бесстыдно невообразимое...

Тут был один только выход — встать и уйти к себе в комнату. Что она и делала. И чувствовала, что он смотрит ей вслед. И самое страшное, что понимает... Или догадывается...

А может, и не понимает. И не догадывается. Скорее всего, ей кажется, что он понимает. Или хуже того — ей очень хочется, чтобы понимал. И в то же время не хочется, чтобы понимал!

А сны... Черт бы побрал эти сны! Она иногда такое в них видела, что просыпаться было стыдно! Так и лежала, не шевелясь и натянув на голову одеяло, пока из кухни не слышалось мамин удивленное:

— Зайчик! Ты что, сегодня решила в институт не ходить? Вставай, вставай, Зайчик! Глянь

в окно, какое утро чудесное! Хватит валяться, вставай...

Веселый и ласковый мамин голос еще больше погружал в чувство вины, и потом она ходила весь день в дурном настроении, и прятала глаза ото всех, будто в них можно было эту виноватую досаду разглядеть... Или обрушивала эту досаду на бедного Ромку, если он попадался ей под руку. А он таки попадался, потому что все время норовил встретить ее после занятий. Даже ребята из группы давно привыкли к тому, что Ромка ходит за ней тенью, и приходится приглашать его вместе с ней на стихийные студенческие посиделки — или в кафе, или у кого-нибудь дома...

Ромка после школы даже в политехнический поступил потому только, что он находится недалеко от юридического, в десяти минутах ходьбы. Поступить-то поступил, да только учебы не осилил. Отчислили на втором курсе за неуспеваемость. Аккурат перед весенним призывом... Ромка тогда очень испугался. Не того, что в армию пойдет, а того, что она его не дождется. Заглядывал ей в глаза, повторял по десять раз одну и ту же фразу:

— Это ведь всего один год, Заяц... Всего какой-то год... Это ведь совсем ничего по сути, правда?

Она отвечала сердито:

— Правда, правда... Только не называй меня Зайцем, ради бога! Мы ж договаривались, что хоть ты не будешь...

— Но ведь мамин муж называет тебя Зайцем, и ничего! Тебе даже нравится! По крайней мере, ты ему этого не запрещаешь!

— А вот это уже не твое дело, понял? Ему не запрещаю, а тебе запрещаю!

— Хорошо, я не буду... Как хочешь... Только скажи — ты ведь подождешь меня, правда? Это всего один год...

— Господи, да куда я денусь, Ромка! О чем ты говоришь!

— А к маме моей заходить будешь? Заходи, пожалуйста, хоть ненадолго... Она так тебя любит, Зой...

— Хорошо. Я буду заходить к Анне Константиновне.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Он снова ловил ее взгляд, а она сердилась. Вот же зануда, а? Скорей бы уж проваливал в свою армию... Нет, за любовь и преданность спасибо Ромке, конечно. Она ж все понимает, в чем вопрос... Любовью оскорбить нельзя, это и дураку ясно. Но иногда пристанет с ножом к горлу, и поневоле хочется переступить через это нельзя, ей-богу...

Ромкина мама Анна Константиновна звала ее доченькой. Часто звонила, зазывала в гости. Была она дамой сентиментальной, говорила с придыханием, умильно заглядывала в глаза. Поила зеленым чаем с домашним печеньем, расспрашивала про учебу, делилась тревогами о сыне. И так же, как Ромка, глядела на нее преданно. Почти заискивающе. Иногда Зое казалось, что был бы у нее хвостик, то и хвостиком бы помахивала от радости. Даже неловко как-то становилось и хотелось быстрее уйти...

Дома тоже эта версия прижилась, что она ждет Ромку из армии. Мама и Саша все время шутили по этому поводу, и это ее ужасно раздражало. Но чем больше она сердилась, тем больше, кажется, они веселились... Например, когда приходило очередное письмо от Ромки (а он ей письма писал, как дурак, хотя была возможность просто кликнуть на мобильнике ее номер и просто поговорить!), Саша как бы невзначай начинал напевать себе под нос песню про солдата, и мама так же задумчиво подхватывала.

Она уходила в свою комнату, хлопнув дверью. Наверное, со стороны ее поведение и впрямь смешно выглядело, и можно было найти к нему любое подходящее объяснение — стесняется, мол... Скромничает... От того и сердится. Не

будешь ведь кричать на весь свет, что никакой Ромка ей вовсе не нужен! Да и вообще — никто не нужен! Кроме... Да, вот именно. Кроме! А что за этим «кроме» стоит, никто и не догадывается. И никогда не догадается. Мало ли, какие ужасные тайны может прятать в себе человек! Это его личное дело, между прочим! Тем более когда эта ужасная тайна касается самого близкого на свете человека — мамы!

А мама была счастлива. Расцвела, похорошела, похудела, истончилась в талии, как девчонка. Никому ж не пришло в голову связать эту внезапную худобу с болезнью... И маме тоже не пришло в голову. Когда человек любит и счастлив, его всякие дурные мысли и опасения не посещают, все сжигается в костре новых эмоций.

А новых эмоций было много. И всяких событий тоже. Например, однажды к ним в дом пришла в гости Сашина дочь Вика — Зойкина одногодка. Позвонила с вечера, напросилась на воскресный обед. Мама почти всю ночь не спала, волновалась... А с утра на рынок поехала, чтобы купить к обеду все самое свежее и лучшее. Расстаралась, как умела...

А эта Вика повела себя так, будто ее в гости силой затащили. Как только ступила на порог, сразу обдала презрением и маму, и Зойку, и Саше тоже досталось. Молча прошла в гостиную,

села на диван, огляделась. Потом произнесла насмешливо:

— Да уж, не Версаль...

Саша молчал, глядел на нее со спокойной улыбкой. Не заводился, не хамил в ответ. А Вика снова проговорила с вызовом:

— И что? Тебе здесь лучше живется, да?

— Вопрос не корректен, дочь. Давай сменим формат разговора. Обедать будешь? У нас на обед твоя любимая солянка...

— У вас? У вас на обед?

— Ну да...

— Ну, если у вас, тогда сами и обедайте. Я тут при чем?

— Но ты же в гости пришла... Или я что-то неправильно понял?

— Да, папа. Ты в последнее время все неправильно понимаешь. Абсолютно. И все неправильно делаешь. И вообще, я не собираюсь выяснять с тобой отношения при посторонних...

Она косо взглянула на Зойку, которая сидела в кресле и вежливо улыбалась. Так вежливо, словно сию секунду готовилась к переходу от простой вежливости к искренней дружбе с этой Викой. Хотя и без того уже понятно было, что никакой дружбы не получится.

Из кухни выглянула мама, проговорила с улыбкой:

— Пойдемте обедать, у меня все готово... Заяц, покажи Вике, где руки можно помыть...

— Не надо мне ничего показывать, спасибо! — звонко и с вызовом проговорила Вика, подсакивая пружиной из кресла.

— Ну, не надо так не надо... Можно и так... — растерянно проговорила мама и указала приглашающим жестом на кухню.

Но Вика ничего не ответила, лишь скользнула по маме презрительным взглядом. Потом вышла в прихожую, открыла дверь и, не прощаясь, быстро начала спускаться вниз по лестнице.

— Вика, вернись! — позвал Саша, выходя следом за дверь. — Ну как ты себя ведешь, ей-богу... Ты же взрослый человек...

Зойка вдруг явственно услышала растерянность в его голосе. И, не отдавая себе отчета, быстро сунула ноги в кроссовки, тоже выскочила за дверь и понеслась следом за этой Викой, хотя совсем не представляла себе, что скажет ей, когда догонит... И догонит ли вообще...

И все же она ее догнала — уже на автобусной остановке. Встала рядом, пытаясь отдышаться. Вика стояла, смотрела прямо перед собой, к ней не повернулась даже. Отдышавшись, Зоя произнесла:

— Ну зачем ты так, Вика... Зачем ты маму мою обидела? В чем она перед тобой про-

винилась? Она с утра над этим обедом колдовала...

Вика, не поворачивая головы, бросила жестко и холодно:

— Ты это серьезно сейчас?

— Что — серьезно? — моргнула растерянно Зоя.

— Ты серьезно считаешь, что твоя мать ни в чем не виновата?

— А в чем она виновата?

Вика наконец развернулась к ней, глянула прямо в глаза. Зое даже пришлось отступить на полшага — показалось, что накрыло вдруг с головой исходящей от Вики злостью. Но глаз не отвела — с чего это ради? В конце концов, пусть и в самом деле объяснит, в чем провинилась перед ней мама.

— В чем виновата, говоришь? А сама не понимаешь, да?

— Нет. Не понимаю. Ты можешь обижаться на своего отца, что он от твоей мамы ушел, это да. Но ведь это его решение, Вика. Только его. Моя мама тут ни при чем.

— Да? Значит, моя мама должна за все отвечать? Отец будет жить счастливо, твоя мать с ним будет жить счастливо, а все несчастье и унижение одной моей маме достаться должно? Да за что? За какие такие грехи? Ты хоть понимаешь,

каково моей маме сейчас? Какие чувства она испытывает? И что с ней происходит, ты знаешь?

— Нет... Нет, конечно. А что, она очень сильно переживает, да?

Вика усмехнулась злобно и снова от нее отвернулась, будто не собиралась отвечать на ее вопрос. Наверное, он и в самом деле был очень глупым... И зря она за Викторией побежала, наверное. И, чтобы хоть как-то замять неловкую ситуацию, Зоя произнесла с настороженным сожалением:

— А я надеялась почему-то, что мы с тобой найдем общий язык... И даже подружимся... И телефонами обменяемся...

— Ну и зря надеялась.

— Ну почему же, Вика...

— Потому! Потому что мы можем быть только врагами, поняла? Потому что мне очень жалко свою мать! Потому что она страдает и переживает не самое лучшее время в своей жизни! Потому что это очень больно, когда тебя бросают... А ты стоишь тут и лепечешь всякие несусветные глупости — телефонами обменяемся, дружить будем... Ага, шас! Разбежалась! Да я видеть тебя не хочу, слышать тебя не хочу, поняла? И разговаривать с тобой больше не хочу, понятно?

— Понятно. Только если это все так... Зачем тогда ты в гости к нам захотела прийти?

— Ой, да просто посмотреть хотела, на кого отец мою маму променял... Просто ужасно интересно стало... И на тебя тоже посмотреть захотелось! Потому что не я теперь с папой рядом, а ты! Рыжая, конопатая! Хотя на тебя мне плевать по большому счету, не ты же папу из семьи увела. Да, я просто посмотреть на нее хотела...

— Ну что, посмотрела?

— Конечно. Между прочим, моя мама в сто раз лучше выглядит. И моложе. И красивее. Да если их поставить рядом — твою мать и мою... Да их и сравнить нельзя даже... И неправда, что мой отец всегда твою мать любил, это он все придумал! Он не мог ее любить, поняла? Он только мою маму любил... И квартира у нас в сто раз лучше, между прочим! У мамы моей вкус есть ко всему! А у твоей... Никакой фантазии, господи... Никакого стиля... И я не понимаю отца, хоть убей! Как он мог променять маму на все это безобразиие?

— Слушай, хватит хамить, а? Сама ты безобразиие, поняла?

— Да на себя посмотри, господи... Да если б я была такой ужасно рыжей, я бы хоть что-нибудь да сделала с собой, а ты... Да у тебя ж свободного места на лице нет от веснушек! Не лицо, а кукушачье яйцо! Неужели ты в зеркало никогда не смотришь, а?

От такого напора неприязни Зоя совсем растерялась. Сама того не осознавая, Вика ударила по самому больному месту — по внешности. Кукушачьим яйцом ее еще никто никогда не обзывал...

Может, она бы и отошла от растерянности и ответила Вике достойно, но как раз в это время подошел автобус, и Вика легко заскочила в него, даже не попрощавшись. Двери захлопнулись, автобус тронулся с места. Мимо в окне проплыло непроницаемое лицо Вики...

Придя домой, она сразу прошла в свою комнату, долго рассматривала свое лицо в зеркале. Неужели эти рыжие крапинки и впрямь так ужасно его безобразят? Мама ведь ей с детства внушала, что все наоборот... Что это отличительная ее особенность, что даже на картинах рисуют девушку с веснушками, когда хотят изобразить весеннее настроение... А оказывается, оно вовсе другие ассоциации вызывает! Никакая не весна, а кукушачье яйцо! И даже яркие рыжие волосы ситуацию не спасают, хоть и модно подстриженные озорными вихорками! Наверное, мама ее просто обманывала... Самооценку пыталась повесить, чтобы лишних комплексов не было, вот и все!

Она вздрогнула от стука в дверь, проговорила хрипло:

— Да... Открыто...

Заглянул Саша, проговорил как ни в чем не бывало:

— Заяц, пойдем обедать! О, господи... Ну что у тебя за лицо, Заяц? Может, ты тоже плакать собралась, а? Я маму только что успокоил, теперь ты...

— Нет, я не буду плакать, Саш. И вообще... Я думаю, твоя Вика со временем успокоится и все поймет. В конце концов, она ж не ребенок, чтобы застревать в обиженности. Она поймет, Саш...

— Я тоже на это надеюсь, Заяц. Она ведь неглупая девчонка, знаешь... Я думаю, со временем все наладится. А что ты как-то слишком внимательно себя в зеркале рассматриваешь, а?

— Да нет... Это я просто так...

— Заяц! А ну, колись! Тебе Вика сказала что-то обидное, да?

— Она сказала, что у меня не лицо, а кукушачье яйцо...

— Да ладно...

— Так и сказала, Саш...

— А ты и уши развесила, да? Сидишь и каждую веснушку под микроскопом разглядываешь? Делать тебе нечего, да?

— Нет, я не рассматриваю... Просто... Зачем она так, Саш? Обидно же...

— А ты прости ей, Заяц. Возьми и прости, махни рукой. Пойми, ей сейчас очень трудно... А ты сама под руку попала, что ж... Но обида у Вики пройдет, поверь. Ничего, подружитесь еще со временем... Вы ж обе отличные девчонки, и красивые, каждая по-своему. А веснушки тебе очень идут, правда. Я даже представить тебя не могу без веснушек... Без этих рыжих вихорков... Мне, например, очень даже нравится... Это я как мужчина тебе говорю...

Она обернулась, посмотрела на него очень внимательно. Больше, чем простая внимательность это позволяла. Не хотела, но так само получилось... И, чтобы сгладить неловкий момент, произнесла насмешливо:

— И поэтому ты меня называешь рыжим Зайцем, да?

— А что, тебе разве не нравится? По-моему, очень забавно звучит — рыжий Заяц... Не серый, не белый, а рыжий! Ты представляешь, как тебе повезло, а? Единственный экземпляр среди всех зайцев, вместе взятых!

— Ну, не знаю насчет везения... И в кого только я такой уродилась, не знаю...

— Твой отец тоже рыжий, между прочим. Тебе его гены достались.

Она глянула на него удивленно, хотела еще спросить об отце, но не успела — мама из кухни

настоятельно звала их обедать. Подумала только — потом у Саши об отце спрошу... Мама все равно никогда о нем не рассказывает.

Глаза у мамы были слегка заплаканные. Видимо, чувствовала себя виноватой в том, что не удался визит Сашиной дочери. Пришлось отвлечь ее посторонними разговорами, и Саша активно ее поддержал, хотя и чувствовалось, что ему тоже не по себе. А у нее все не выходило из головы — надо будет потом выспросить у Саши про отца... Вытянуть информацию, хоть какую-то... Интересно же, что он за человек! И не просто человек, родной отец все-таки...

И спросила. Следующим же вечером и спросила. Мама аккурат на работе задерживалась, они с Сашей были дома вдвоем, пили чай на кухне.

Начала издавека, чтобы не спугнуть его прямым вопросом.

— Саш... А ты маму давно знаешь?

— Давно, Заяц. Ей было столько же лет, как тебе сейчас, когда мы познакомились. Хотя вру... Она тогда только-только институт окончила... Стало быть, на пару лет старше была тебя, нынешней.

— А как вы познакомились, Саш?

— Мы работали вместе. Я уже давно в том конструкторском бюро работал, а она по рас-

пределению после института пришла. Молодым специалистом была. Да, Заяц, в те времена еще были конструкторские бюро... И было обязательное распределение после окончания института...

— И что? У вас был роман, да?

— Нет. Не было никакого романа. Я ее любила, а она меня нет. Она другого любила.

— Кого? Моего отца?

— Да, твоего отца.

— А... Какой он, расскажи?.. Кто он вообще?

— А ты не знаешь? Тебе мама о нем не рассказывала?

— Нет... Уж я не знаю почему, но эта тема у нас — табу... Я много раз пыталась спросить, а мама так и не захотела ничего рассказать. Почему? Ты не знаешь?

— Значит, не сочла нужным рассказывать. Ей виднее, Заяц. А это значит, и я тоже не буду, прости. Наверное, всему свое время... Ты только не обижайся, ладно? Вон у тебя от досады даже веснушки на лице побледнели.

— Вот и хорошо, что побледнели! Хоть несколько минут человеческое лицо будет, а не кукушачье яйцо!

— Господи, ну какая ж ты еще глупая, Заяц! Сколько раз можно тебе объяснять, что твоя рыжина — это твоя природная удача, отличитель-

ная особенность! Гордиться надо, а ты вбила себе в голову ерунду какую-то...

— Я не хочу гордиться. Я хочу быть как все. А из-за этой отличительной особенности... Я чувствую себя не в своей тарелке, мне неуютно...

— Ну вот, здрасте! Опять комплекс неполноценности к тебе постучался! Тук-тук, кто в избушке живет? Я, рыжий зайчик-попрыгайчик... А я нехороший комплекс, открой дверь, я к тебе поселюсь! Будем жить вместе! Я тебе жизнь испорчу, хочешь? Сначала испорчу, потом из твоей же избушки и выгоню...

Он так смешно изображал диалог рыжего зайчика-попрыгайчика с нехорошим комплексом, что Зоя не удержалась, рассмеялась от души. А Саша будто того и ждал, продолжил ее наставлять:

— И не смей больше комплексовать, слышишь? Не пристало тебе! Потому что права не имеешь! Потому что ты девушка-весна, ты девушка-солнце... Когда ты улыбаешься, то будто загораясь изнутри рожим светом... И это очень... Очень красиво, просто глаз нельзя оторвать...

Он вдруг оборвал себя на полуслове, глянул на нее очень странно. Будто с настороженной опаской. Будто сам на себя немного досадовал...

А у нее резко перехватило дыхание. Потому что она увидела вдруг, почувствовала эту досаду, эту опасливость! Будто что-то приоткрылось на миг, сверкнуло и снова закрылось... Уже навсегда закрылось. По крайней мере, по Сашиному выражению лица она поняла — да, навсегда. Мол, сболтнул лишнего, взял неправильную тональность... И ей надо принять это «навсегда». И можно только иногда воспроизводить в памяти эту короткую яркую вспышку, и рассматривать через лупу, смаковать... И додумывать в своих фантазиях...

И впрямь, что это было, а? Или не было? Или ей показалось? А вдруг?! Да нет же, нет... Этого быть не могло. Она сама себе все придумала. Дорисовала, нафантазировала. И вообще, надо быть умной и понимать, что так нельзя. Даже в мыслях нельзя. Даже там нельзя, где на замки закрыто. В конце концов, она взрослая рассудительная девица, а не какая-нибудь там Лолита малолетняя и бесстыжая, и примерять на Сашу дурацкую роль Гумберта-Гумберта просто не имеет права... И маму на такое свинство не имеет права подписывать...

Да и вообще — фу! Даже думать об этом противно! Остынь, рыжая дурная башка! Сама справляйся с подлыми мыслями! Потому что не место им в доме, где живут мама и Саша. Пото-

му что мама любит Сашу. А Саша любит маму. А она... Она ждет Ромку из армии. Да, вот так... И можно даже похвалить себя за это... Молодец, рыжий Заяц, хороший рыжий Заяц, он умеет собой управлять. А если вдруг и понесло на секунду — надо простить рыжего Зайца, не судить строго. Он же не виноват, что его угораздило полюбить того, кого любить ну совсем нельзя, ни при каких обстоятельствах...

И все, и хватит об этом. И никаких подобных мыслей больше. Все, хватит, занавес! Живем дальше...

Через год Ромка пришел из армии. Она была ему рада. И даже охотно приняла его любовь и постоянное присутствие рядом, и нежность его приняла, и сдерживаемое хорошим воспитанием вожделение. Потом они все же переспали после вечеринки у одного Ромкиного приятеля. Вечеринка была на даче, она тогда упиалась шампанским и толком не поняла, как это все произошло. Да и не жалко было, в общем... Чего уж там... Наверное, давно пора было расстаться с девственностью. Чего зря Ромку мучить?

А Ромка был счастлив. Она еще в себя прийти не успела, то есть глаза свои хмельные открыть, а Ромка уже сбегал в лес и принес ей охапку майских полевых цветов. Плюхнулся возле кровати на колени и предложил руку и сердце, и чтобы

немедленно все, и чтобы завтра же заявление в загс... Она еле-еле отговорилась от такой скоропалительности. Объяснила, что торопиться им некуда, что ей надо хотя бы третий курс окончить. Ромка огорчился, но возражать не стал. Он вообще ей ни в чем никогда не возражал...

Мама наблюдала за их отношениями с некоторой опаской. И в то же время ничего против Ромки не имела. А однажды спросила в лоб:

— Зайчик, скажи... Уж не замуж ли ты собралась, а?

— Нет пока. Успею еще... — отмахнулась она легкомысленно.

— Но ты хоть любишь его, Зайчик?

— Ой, мам... Ну я тебя умоляю... Если надо будет — полюблю!

— Ты думаешь, это все так просто, да? Захочу и полюблю?

— Но ведь ты же полюбила Сашу? А раньше не любила... Ведь так?

Мама посмотрела на нее странно и больше ни о чем не спросила. Пришлось успокоить ее, обняв за плечи и ласково заглянув в глаза:

— Да все будет хорошо, мам... Всему свое время, правда? Не переживай за меня, пожалуйста, я разберусь...

А потом мама заболела. И стало не до разговоров. И вся жизнь покатилась не туда...

То утро было самым обычным. Зоя проснулась от аппетитного запаха гренок, доносящегося из кухни — ага, Саша уже встал, завтрак готовит... Еще не проснувшееся сознание настроилось было на привычную утреннюю радость, но в следующую секунду она спохватилась — ты что, дуручка, какие могут радости... У тебя ж мама умирает... Неизвестно, сколько еще ей осталось — может, месяц, а может, неделю... В любой момент может самое страшное совершиться...

Захотелось плакать, сунув голову под подушку и прижав ее сверху ладонями. И задохнуться от слез, и вообще не вылезать из постели... И не начинать этот очередной мучительный день, сотканный из страшного ожидания. Да, именно так — ожидания. Потому что знаешь, что рано или поздно это произойдет... Не сегодня, так завтра. Не завтра, так через неделю. Не через неделю, так через месяц...

Но плакать нельзя. Ни в коем случае. Потому что мама не хочет, чтобы она плакала. Мама хочет, чтобы все дни выглядели обыденно, без акцента на то непоправимое и ужасное, что давно поселилось в их квартире, на их бывшем островке счастливого бытия. И потому мама встречает каждое утро с улыбкой... Через боль, через невы-